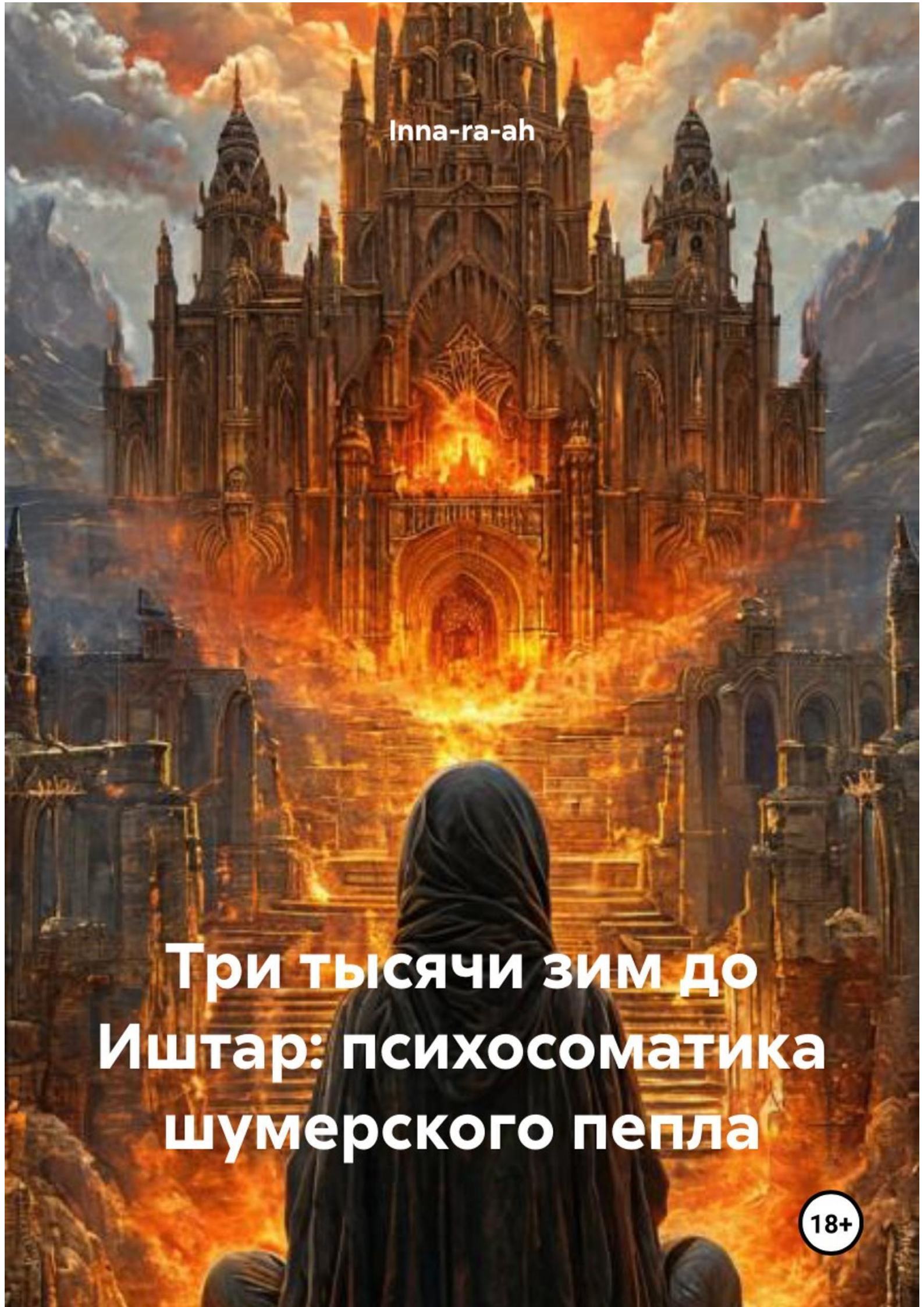

Inna-ra-ah

**Три тысячи зим до
Иштар: психосоматика
шумерского пепла**

18+

Inna-ra-ah

**Три тысячи зим до Иштар:
психосоматика шумерского пепла**

«Автор»

2026

Inna-ra-ah

Три тысячи зим до Иштар: психосоматика шумерского пепла /
Inna-ra-ah — «Автор», 2026

У Марии образцовая, предсказуемая жизнь: успешная психологическая практика, развод за плечами и десятилетний сын. Диплом давно стал для неё отличным щитом от детских страшилок, которые она успешно списала на девиации бурной фантазии. Но один случайный сеанс релаксации в «Доме Гипару» рушит эту стеру с грохотом средневекового собора. Огненное небо, уходящий ввысь зиккурат и двухметровый ведущий Ашер, от чьих плеч во все стороны плещет вязкий черный смог, усыпанный сотнями немигающих глаз. Он не преследует её и не угрожает. Он просто смотрит на её паническое бегство со скучающим всезнанием, словно она убегает от него таки образом в тысячный раз. Ашер точно знает о ней что-то такое, чего не знаете она. Мария готова выписать этому парню направление к психиатру и навсегда вычеркнуть этот день из памяти. Но как вернуть прежнюю реальность, если в месте его прикосновения горит угловатый шумерский символ, а в тишине собственной ванны она продолжает слышать утробный шум древних барабанов?

© Inna-ra-ah, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Профдеформация против чертовщины	5
Глава 2 Синдром священного брака	11
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Inna-ra-ah

Три тысячи зим до Иштар: психосоматика шумерского пепла

Глава 1. Профдеформация против чертовщины

Диплом практикующего психолога — отличный щит от паранойи, но даже он трещит по швам, если твоё детство прошло в компании существ, которых нет в которых не найдёшь ни в одном справочнике по психиатрии. В семь лет я вежливо просила рогатую тень в углу спальни не чавкать, в двенадцать — научилась не смотреть на полупрозрачную висельницу на автобусной остановке, а к тридцати двум окончательно убедила себя, что всё это — лишь девиации бурной детской фантазии. Защитный механизм психики сработал идеально. Правда, перед этим маме пришлось повозить меня по бабкам-знахаркам, которые заливали мой испуг воском, обкуривали полынью и усердно «делали нормальным ребёнком». К подростковому возрасту я поняла главное: если не хочешь оказаться в психушке или всю жизнь пить святую воду, лучше молчать. И улыбаться.

Я выросла, цивилизованно развелась, вытянула длинные волосы из подросткового готического каре в элегантную косу до поясицы и родила абсолютно нормального, в рамках моей семьи, сына.

Десятилетний Максим, отправляясь на выходные к бабушке, строго велел мне «найти наконец нормальное хобби вместо копания в чужих детских травмах». Именно поэтому я сейчас сидела на жестком бамбуковом коврикe в «Доме Гипару». Вообще-то, я была человеком открытым и улыбчивым, любила умиляться красивым кучевым облакам по утрам и подолгу задумчиво молчать, разглядывая мир. Но ровно до тех пор, пока этот мир не наглед. Буквально по дороге сюда меня облил из лужи какой-то хам на мерседесе, и я совершенно искренне, со всей душевной теплотой, пожелала ему ведро ржавых гвоздей в ноги. Кажется, у него через сто метров спустило колесо. Совпадение, конечно. Обычная случайность, которой я, как дипломированный специалист, обязана верить.

Я прикрыла глаза, намереваясь просто честно подремать под монотонный, шуршащий звон бронзового систрума. В конце концов, я заплатила за этот сеанс «релаксации» три тысячи рублей и имела полное право получить свой законный час тишины.

Но у мироздания на мой счёт явно были другие, весьма неврастенические планы.

Мой личный, годами выстраиваемый барьер «нормальности» не просто дал трещину — он рухнул с глухим, леденящим душу грохотом. Воздух вокруг мгновенно утратил свою прозрачность, обращаясь в обжигающий, удушливый сироп, пропитанный тяжелым, смолистым ароматом дикого можжевельника, священного кедра и сладковатой гарью жертвенной плоти. В уши, напрочь заглушая тонкий звон систрума, ударил утробный, первобытный грохот боевых литавр и кожаных барабанов. Этот звук не был внешним — он зародился где-то в костях, заставив вибрировать сам скелет.

Перед мысленным взором вспыхнуло безумное, налившееся кровью и сажей небо Месопотамии. В этом мареве безмолвно и грозно высились колоссальные, терракотовые уступы зиккурата, пожираемого внутренним, подземным огнем. Меня не просто перенесло — меня с размаху, с мясом выдрало из привычной оболочки и швырнуло в чужую, древнюю плоть. Я физически ощущала, как обнаженные лопатки обжигает ледяной, сухой ветер дикой высоты, а в плечи мертвой хваткой — до хруста суставов — впиваются чьи-то чудовищно сильные, лихорадочно горячие пальцы.

— Я найду тебя. Через тысячи зим, через пепел разрушенных святилищ и новую, едва рожденную плоть — я приду, — пророкотал над самым ухом голос. В его низком, вибрирующем басы не было человеческих интонаций; это был гул самой земли, древний закон, который каждая клетка моего испуганного существа узнала с пугающей, рабской покорностью.

От этого звука где-то глубоко внутри меня, в той самой запретной зоне, которую деревенские бабки пытались выжечь молитвами, а я сама — запереть тоннами учебников по психоанализу, сладко и страшно проснулась, потянувшись кверху, настоящая, дремавшая тридцать лет лава.

Я резко распахнула глаза и судорожно выдохнула. Воздух кажется мне ледяным. Сердце колотилось в ребра так, словно я только что пробежала марафон, но лицо оставалось абсолютно спокойным — многолетняя практика научила меня безупречно держать маску, что бы ни происходило внутри. Вокруг всё так же сидели женщины. Систрум звенел. Никакого огня, никаких барабанов. Здравствуй, шизофрения, я так долго от тебя бегала.

— У вас нарушен восходящий поток, — раздался чуть поодаль спокойный, бархатистый и пугающе глубокий мужской голос. — Вы слишком сильно держитесь за ментальные блоки. Избавьтесь от скепсиса, иначе зря потратите время.

Я вскинула голову. Ведущий практик Ашер говорил это, неторопливо проходя между рядами ковриков. Он даже не смотрел на меня — просто бросил дежурную фразу, заметив моё резкое движение. Ему было всего двадцать шесть. На целых шесть лет младше меня, но в парне было без малого сто девяносто сантиметров роста. Широкие плечи, мощные руки, полностью покрытые сложными клинописными татуировками.

«Шарлатан высшей категории, — выдал мой внутренний психолог, пока я плавно поднималась с коврика. — Очередной гуру, отлично умеющий продавать воздух и разводить уставших женщин. Романтика меня не интересовала — мне с лихвой хватило бывшего мужа, чьи кредиты я выплачивала до сих пор. Каждая копейка уходила на Максима, так что тратить лишнее на эзотерику я не планировала».

— Благодарю за заботу, Ашер, — мой голос прозвучал идеально: мягко, взвешенно, с легкой доброжелательной улыбкой. Я заговорила с ним как с пациентом в легком психозе — уверенно и снисходительно. — Мой поток в абсолютном порядке. Но ваши благовония обладают слишком сильным седативным эффектом, вызывающим слуховые галлюцинации. Вам стоит сменить поставщика, чтобы не портить репутацию студии.

Я слегка наклонила голову, позволяя длинной косе соскользнуть по плечу. Ни тени страха, только вежливое профессиональное участие.

Вот теперь Ашер замер. Он медленно повернулся, и впервые его взгляд — тяжелый, лишенный молодого легкомыслия — проник сквозь мою маску. Его золотисто-карие глаза удивленно сузились, словно сквозь этот безупречный щит самообладания он вдруг разглядел очертания чего-то невозможного, погребенного под веками забвения.

Мужчина сделал шаг вперед. Я невольно отступила, едва достав макушкой до его плеча, и в этот миг меня обдало волной осязаемого, плотного тепла, словно я приблизилась к зеву растопленной печи. Но ужас крылся в ином. Когда он сократил дистанцию, пространство за его спиной исказилось, дневной свет преломился и поплыл. На долю секунды мне показалось, что от его массивных плеч во все стороны плеснуло тяжелое, антрацитовое море — живой, вязкий смог, усыпанный сотнями немигающих, пристальных глаз. Это не был оптический обман; я почувствовала, как волоски на моих руках встали дыбом от статического электричества, а воздух во рту стал горьким, как озон перед сильнейшей бурей. Внутри всё сковал первобытный, религиозный ужас, но многолетняя привычка держать лицо сработала — внешне я даже не моргнула.

Мужчина приблизился вплотную, лишая меня кислорода.

— Вы зря тратите слова на защиту, которой больше нет... Мария, — тихо произнес он, и от его баса, отозвавшегося в каждой связке моего тела, вдоль позвоночника пробежали ледяные мурашки.

Я зафиксировала взгляд на переносице собеседника — профессиональный прием, чтобы подавить чужую доминантность.

— Откуда вы знаете мое имя? Я регистрировалась под псевдонимом.

Ашер протянул руку — огромную, с длинными сильными пальцами — и, прежде чем я успела отпрянуть, коснулся шеи, как раз там, где билась испуганная пульсирующая жилка.

Вспышка! В месте прикосновения кожу обожгло так, словно к ней приложили раскаленное клеймо. Его зрачки расширились, затопив золотистую радужку темнотой, а в моей голове со свистом пронеслись обрывки чужих воспоминаний: золото, крики, поцелуи со вкусом гранатового сока и та самая фраза: «Я найду тебя...»

Мужчина резко отдернул руку, его мощная грудь вздымалась от тяжелого дыхания. Искры в его глазах превратились в настоящее пламя.

— Наше занятие окончено. Все свободны, — не оборачиваясь к залу, приказал он. Женщины в балдахинах, словно зазомбированные, начали молча собирать вещи и послушно выходить.

Он навис надо мной, окончательно заперев меня между своей массивной фигурой и стеной, на которой золотом горела клинопись. Рядом с ним я казалась себе крошечной, а он выглядел настоящей горой.

— Вы опоздали на это занятие... примерно на три тысячи лет, нарамти, — выдохнул он мне прямо в губы, обдавая жаром. — И если ты сейчас же не расскажешь мне, как умудрилась выжить после падения Вавилона, я сожгу этот город до основания, чтобы проверить, воскреснешь ли ты снова.

Я заставила себя сделать медленный, ровный вдох. Мой пульс зашкаливал, но голос остался холодным и ровным, как у хирурга на операции. Я посмотрела на него с легким, искренним недоумением.

— Ашер, послушайте меня внимательно, — тихо, но твердо произнесла я. — Я понятия не имею, о каком Вавилоне вы говорите. Я практикующий психолог, у меня дома десятилетний сын, и сейчас я собираюсь развернуться и уйти. А вам я настоятельно рекомендую обратиться к психиатру. У вас тяжелый бред величия на почве увлечения оккультизмом, и это уже опасно для окружающих. Сделайте шаг назад. Пожалуйста.

Студия осталась позади. Оказавшись на улице, я заставила себя не бежать. Паническое бегство — это признак капитуляции перед собственным страхом, а я не собиралась признавать поражение. Шаг должен быть ровным, размеренным, обычным. Тридцать два года — не тот возраст, чтобы устраивать спринтерские забеги от парней со специфическим хобби.

На ходу я стащила с косы резинку, запустила пальцы в волосы и с удовольствием расправила их, встряхнув головой. Мне физически, до звона в ушах, захотелось свободы и свежего, холодного воздуха. Пальцы нащупали в сумочке пачку сигарет. Прикурить с первого раза не получилось — ладони все-таки предательски подрагивали, но я списала это на классический мышечный тремор после резкого выброса адреналина.

Я глубоко затянулась, чувствуя, как горький дым немного заземляет. И в этот же миг лопатки обожгло знакомым, липким чувством чужого взгляда. На меня смотрели. Упорно, тяжело, сквозь кожу.

Я не выдержала и обернулась.

Ашер стоял на втором этаже, прямо у огромного панорамного окна «Дома Гипару». Его массивная фигура отчетливо выделялась на фоне теплого интерьерного света. Он неторопливо попивал что-то из большой темной кружки, глядя на меня сверху вниз. Меня зацепила его

реакция — в его позе было столько вызова, но абсолютно никакой агрессии. Что ему вообще нужно? Что, черт возьми, с тобой не так, парень?

Он смотрел на моё бегство без малейшего удивления, словно я уже убегала от него вот так, спиной вперед, добрую тысячу раз. Было в его взгляде что-то такое, от чего внутри всё холодело: Ашер точно знал обо мне нечто, чего я сама о себе не ведала. Словно весь этот мир со всеми его правилами и моими дипломами был ему давно понятен, скучен и ясен. Ненормальный парень со своим липким черным маревом... Моё хладнокровие казалось ему лишь временной, предсказуемой заминкой перед неизбежным.

Я смерила его ответным, максимально равнодушным взглядом, демонстративно затушила сигарету о край урны и повернула в сторону метро.

В подземке, зажата между чужими мокрыми куртками и бесконечным грохотом вагонов, я попыталась включить профессионала. Так, Маш... вдох-выдох. Давай разберем ситуацию. Что мы имеем? Да ничего мы не имеем, кроме подступающей тошноты.

Я уставилась на свое бледное отражение в темном стекле вагона. В голове было пусто и одновременно слишком шумно. Анализировать случившееся не хотелось — мозг упрямо выставлял глухую ментальную стену, отказываясь переваривать этот бред. Благовония со странным эффектом, душный зал, этот ненормальный парень... Какая-то дикая, пугающая совокупность случайных совпадений и еще одна дурацкая странность в копилку к моим детским кошмарам. Разбираться в этом не было никаких сил, да и зачем? Я просто больше никогда туда не вернусь. Всё.

Поезд резко дернулся на повороте, и я едва не выронила телефон. Руки все еще были ледяными, а в висках глухо стучало. Пытаясь отвлечься от дурацких, огненных картинок, которые упрямо стояли перед глазами, я судорожно открыла рабочий ежедневник. Что это вообще было? Память неохотно подбрасывала обрывки из прошлого. В юности, пока сверстницы фанатели по поп-звездам, я запоем читала книги по истории Древнего Египта, скупала энциклопедии про Восток и будто неосознанно, вслепую, на ощупь продиралась сквозь века к чему-то более древнему. К Месопотамии. Та ступенчатая, уходящая в багровое небо башня из моего видения... Мозг послушно выудил из закромов памяти точное слово: зиккурат. Храм-гора. Святилище, где шумеры и вавилоняне ждали своих богов, спускавшихся на землю. Но почему этот образ, дремавший годами, так яростно выломал двери в моем подсознании именно сейчас?

Надо переключиться на рутину. Листала расписание, вчитывалась в сухие заметки, стараясь максимально отвлечься на рабочие моменты. В понедельник у меня сложный подросток с девиантным поведением в десять утра, затем консультация семейной пары на грани развода — там вообще ад, они не слышат друг друга. Вот это — моя реальность. Настоящая, осязаемая.

Глядя на мигающие за окном вагона кабельные линии, я сжала телефон так, что побелели пальцы, и дала себе железный, самый главный в жизни зарок: больше никогда, ни за какие деньги, не ходить на подобные мероприятия. Психика дороже трех тысяч рублей. Господи, да за такие фокусы мне самой скоро понадобится терапевт.

Дома меня встретила та самая благословенная тишина, ради которой люди готовы платить любые деньги. Максим уехал к бабушке до вечера воскресенья, так что в квартире царил образцовый, почти стерильный порядок — мой личный маленький храм предсказуемости.

Я заперла дверь на два оборота, сбросила туфли и первым же делом прошла на кухню. Никакого чая с травами, упаси боже. И уж точно никакого кофе — сердце и так готово было выпрыгнуть из груди. Мой внутренний врач неодобрительно хмыкнул, но алкоголь по особым случаям не возбраняется, а сегодняшний день определенно заслужил этот статус.

Я достала из шкафа тяжелый бокал, откупорила бутылку плотного, почти черного полусладкого вина и сделала первый глоток. Сладкая терпкость мгновенно обожгла язык, и вместо долгожданного расслабления мысли упрямо поплыли назад, к пережитому в студии. Вкус вина казался странно знакомым, вызывая мимолетное, почти мечтательное дежавю. Он был

тягучим, густым и терпким, неуловимо напоминая тот самый вяжущий гранатовый привкус, который привиделся мне в чужом теле. Я сделала еще глоток, задумчиво разглядывая темно-рубиновую жидкость в бокале. В её глубине было что-то завораживающее и далекое, как те пугающие золотисто-карие глаза Ашера и вязкое темное марево, разорвавшееся за его спиной. Словно вся эта безумная, но пугающе красивая чертовщина из моего видения растворилась в бокале, медленно растекаясь по венам приятным теплом.

— Обычный гипнотический транс, наложившийся на детские паттерны, — вслух произнесла я, обращаясь к пустому коридору. Собственный голос, прозвучавший сухо и профессионально, немного вернул мне почву под ногами. — Плюс грамотный маркетинг студии. Парень просто отрабатывает свой харизматичный образ.

Я зашла в ванную, намереваясь смыть с себя этот бесконечный день. Включила горячую воду, дождалась, пока зеркало над раковиной начнет затягиваться белым паром, и потянулась к пуговицам рубашки.

Расстегнула ворот, повела плечами, сбросила ткань... и резко замерла, тихо зашипев от боли.

Ткань рубашки зацепила кожу над левой ключицей. Это не было похоже на обычное раздражение от одежды. Место, которого коснулись длинные пальцы Ашера, подозрительно горело. На ощупь кожа там казалась неестественно горячей, припухшей, словно я сильно обгорела на солнце. Я аккуратно, едва дыша, провела подушечками пальцев чуть выше груди и наткнулась на рельефный, рваный контур. Прямо под пальцами отчетливо проступали жесткие, глубокие борозды.

Я шагнула к зеркалу и судорожно смахнула ладонью конденсат со стекла.

Над ключицей, там, где под кожей перекатывался испуганный пульс, багровел свежий след. Но это был не синяк и не случайные царапины. На теле проступил сложный, угловатый и пугающе аккуратный символ. Три тонкие, идеально ровные линии перекрещивались с клиновидными черточками, складываясь в подобие высокого узла или крюка.

Внутри меня что-то глухо оборвалось. Мой прагматичный разум кричал, что это бред, но какая-то иная, скрытая часть существа заворуженно смотрела на багровый рисунок. Этот геометрический узор казался мне смутно, пугающе знакомым — чем-то далеким, из тех восточных эпох, которыми я увлекалась в юности. Но откуда эта чертовщина взялась на моей коже? В месте прикосновения пальцев Ашера до сих пор пульсировало неестественное, чужое тепло.

Я снова рискнула коснуться контура. Кожу мгновенно прошила острой, покалывающей болью, а в ушах на мгновение глухо, утробно бахнул боевой барабан.

В этот же момент в кармане джинсов, брошенных на стиральную машину, требовательно завибрировал телефон. Взрослая, рациональная часть меня упрямо твердила, что это, скорее всего, спам или сообщение от мамы. Но ладонь, когда я доставала трубку, снова была ледяной.

На экране светилось системное пуш-уведомление от администратора «Дома Гипару».

«Мария, добрый вечер! Нам очень важно ваше мнение: как вам наш сегодняшний сеанс релаксации? Напоминаем, что для новых клиентов у нас действует скидка 15% на первый абонемент энергопрактик...»

Я ошеломленно уставилась на экран. Seriously?! Да вы издеваетесь...

Я мысленно вздохнула, чувствуя, как к горлу подкатывает глухое раздражение. После таких сеансов релаксации и их «бонусов» мне понадобится помощь совсем другого характера — например, с оформлением бессрочного абонемента в местный психоневрологический диспансер.

Я со стуком откинула телефон на стиральную машину, раздраженно разделась до конца и швырнула вещи в корзину. На секунду задержавшись у раковины, схватила бокал и сделала большой, жадный глоток, отчаянно желая, чтобы плотное полусладкое вино поскорее слегка

затуманило разум и стерло весь этот сумасшедший день. Шагнув в ванну, я плавно опустилась на самое дно и погрузилась в теплую воду с головой.

Мир вокруг исчез, звуки квартиры смолкли. Но там, в вязкой подводной тишине, за плотно закрытыми глазами, я вдруг отчетливо и пугающе близко услышала глухой, утробный шум боевых барабанов.

Глава 2 Синдром священного брака

Мне снился лазурит. Невероятно глубокий, синий, как предгрозовое небо, он покрывал стены огромного, бесконечного зала, уходящего колоннами в темноту. Пахло раскаленным песком, сухим кипарисом и терпкой, удушливой кедровой смолой. Я шла босиком по гладким, холодным плитам. Моё тело едва прикрывало облако почти невесомой, легкой ткани — словно сотканной из тонких нитей человеческих судеб, переливающихся в темноте миллиардами зыбких звезд. Шорох этого звездного полотна казался единственным звуком в величественной пустоте. Это был дворец — монументальный, давящий своей роскошью, где каждый кирпич дышал первобытной силой.

Я знала, куда иду. Ногами, кожей, животным инстинктом — но не своим разумом.

Смутно, на грани ускользающего сонного сознания я понимала: всё это происходит со мной впервые. Мои шаги были слишком робкими, а сердце билось отчаянно и испуганно. Рядом со мной, почти невесомо придерживая под локоть, шла высокая фигура в глухом темном одеянии — старшая жрица-наставница, чьё безмолвное, строгое руководство заставляло меня двигаться дальше. По её размеренным, ритуальным жестам и по тому, как бережно она поправляла край моего легкого, словно сам ветер, покрывала перед тем, как отступить назад в тень, я догадывалась о грандиозности момента. Это было моё первое великое таинство. Мой самый первый шаг на священное ложе — шаг в бездну, к которой меня готовили всю жизнь.

В самом сердце этой лазуритовой обители, за тяжелыми, пахнущими сырой шерстью занавесями, горели бронзовые жаровни. Там, на величественном кедровом ложе, усыпанном увядающими лепестками, меня ждал тот, кто правил этими землями, — земное воплощение бога, царь. Мой разум, скованный ритуалом, понимал: наша близость не имеет ничего общего с плотским желанием или мимолетной страстью. Во мне не было человеческого влечения к этому мужчине, но я, заключенная в этом теле, беспрекословно повиновалась великой воле неба. Это был сакральный долг, магия плодородия, призванная через наше соитие пробудить иссохшую, мертвую землю. Каждое движение подчинялось древнему, невидимому канону. Из густой, наполненной можжевелевым дымом темноты за нами безмолвно наблюдали десятки пар глаз — люди в глухих одеждах замерли у колонн, удерживая тяжелые золотые сосуды с жертвенным маслом.

Когда огромные, горячие ладони царя коснулись моих бедер, по телу прокатилась судорога. Это соитие ощущалось физиологически тяжело — как слияние грозового неба с сухой, жаждущей влаги землей. Но в самый пик этого ритуального акта я скользнула взглядом мимо массивного плеча мужчины — туда, в непроглядную тьму, где не должно было быть никого.

Там, у самого изголовья, безмолвной и грозной стеной высился мой Страж.

Существо, созданное неведомым мне силами первозданного хаоса, чтобы охранять мою неприкосновенность и удерживать баланс сил, пока я исполняю волю неба. За его спиной бесшумно плескалась плотная, вязкая тьма, усыпанная сотнями янтарных глаз. И в этих глазах, устремленных на меня, читалась не звериная ярость, а вековая, невыносимая в своей обреченности нежность. Наши сути соединили лишь для того, чтобы он был моим щитом, но мы совершили величайшее святотатство — мы полюбили друг друга.

Стоило нам встретиться взглядами, как осязаемый мир ложа разбился. Чужие прикосновения царя, запах кедра, присутствие жрецов — всё это обернулось в ничто. Моё сознание со свистом вытолкнуло из земной плоти прямо в эту хтоническую темноту, навстречу янтарному огню. Нас захлестнуло подлинное, пугающее ментальное слияние. Пока мое тело на постели покорно совершало ритуал с правителем, наши души соединились на ином, запретном плане.

Прохладный лен перестал существовать — остался только его нечеловеческий, лихорадочный жар. Когда его огромные, горячие ладони скользнули по моим бедрам, по тонкому телу

моей души прокатилась ошеломляющая, болезненная лавина экстаза. Он прижимал меня к себе всем своим массивным, источающим тепло растопленной печи существом, лишая малейшей возможности дышать. В этой вязкой, живой темноте его длинные пальцы мертвой хваткой, ломая волю, переплелись с моими, заставляя сознание плавиться от жгучей, священной покорности. Его тяжелое дыхание обжигало мои губы, а низкий, вибрирующий бас звучал прямо внутри черепной коробки, вытесняя весь остальной мир:

— Мы принадлежим друг другу, нарамти. Сама Богиня выжгла твое имя на моей душе, сотворив меня твоим щитом. И пусть твой союз с царем приносит этой земле её законное плодородие — наш собственный союз, неодобренный свыше, станет нашим тайным спасением. Прими меня, даже если мне придется нести наказание за это дерзновение... от начала времен и до последнего пепла.

В самый пик этого невыносимого, почти трансцендентного экстаза, когда грань между наслаждением и первобытным ужасом окончательно стерлась, призрачная рука Стража сомкнулась на моей шее. Левую ключицу прошила резкая, судорожная боль, словно к коже с размаху приложили кусок раскаленного угля — он клеймил меня вопреки заветам богов и богини, что создала нас, навсегда забирая себе.

Я резко распахнула глаза, но осталась лежать совершенно неподвижно, уставившись в потолок. Сердце колотилось в ребра с глухим, болезненным эхом, но я боялась сделать даже мимолетный вдох. Какая-то часть моего прагматичного разума билась в глухом, паническом ужасе от того, насколько пугающе живым, плотным и осязаемым был этот транс. Чувства всё ещё безраздельно правили моим телом: кожа под простыней казалась воспаленной, она пылала от нечеловеческого, лихорадочного жара, и каждый мой выдох был осторожным. Словно вся моя физическая оболочка и само сознание, вопреки логике, отчаянно цеплялись за этот ускользающий, пахнущий кедром морок, за то странное хтоническое существо, чьи янтарные глаза до сих пор горели в темноте моих закрытых век.

Наконец, заставив оцепенение отступить, я сбросила одеяло. Босые ступни коснулись холодного паркета — это короткое физическое ощущение немного заземлило, возвращая меня в привычные координаты. Я поднялась, подошла к балконной двери и резким, почти яростным движением раздвинула тяжелые, изумрудные плотные шторы.

В комнату хлынул тусклый, белёсый свет московского утра, беспощадно разрезая остатки ночной магии. Прямо у балконной двери стояло массивное напольное зеркало в старинной раме. Я сделала шаг вперед, целенаправленно приближаясь к стеклу, чтобы как можно лучше и детальнее рассмотреть то, что произошло с моим телом. Я замерла, вглядываясь в собственное отражение, словно надеялась увидеть там чужака. Из амальгамы на меня смотрела всё та же я — бледная, с растрепавшимися за ночь, распущенными волосами и широко распахнутыми, потемневшими от напряжения глазами. Но теперь, при безжалостном дневном освещении, багровый, рваный контур угловатого знака над левой ключицей проступал еще отчетливее. Отметка налилась пугающей, сочной яркостью и медленно пульсировала прямо под тонкой тканью сорочки, словно живой, запекшийся под кожей узор.

Настойчивая, резкая трель мобильного телефона заставила меня вздрогнуть. На тумбочке вибрировал экран, высвечивая имя сына. Я судорожно выдохнула, ладонью стирая испарину со лба, и схватила трубку, отчаянно цепляясь за этот звонок, как за спасительный канат, возвращающий меня в реальность.

— Да, Максимка, доброе утро, — я постаралась, чтобы мой голос прозвучал максимально ровно, по-матерински спокойно, хотя пульс всё ещё чеканил бешеный ритм в ушах.

— Мам, привет! Слушай, а можно мы с бабушкой останемся на даче подольше, до вторника? — в трубке зазвучал его звонкий, живой голос, и от этого контраста мне на секунду показалось, что ночной лазуритовый зал был лишь затянувшимся кошмаром. — Тут у Кольки из соседнего поселка день рождения сегодня, меня позвали. Но только, мам, у меня подарка

нет! Мы вообще не успели ничего купить, я боюсь ребята ржать будут. Пожалуйста, купи сама, мам, и отправь курьером прямо к нам, чтобы успеть до вечера!

Я потеряла виски, чувствуя, как реальность с её проблемами грубо наваливается на плечи.

— Максим, времени слишком мало, понедельник же, — я вздохнула, косясь на часы. — Обычный курьер в область до вечера просто физически не доедет. Давай я лучше сама выберу что-нибудь после работы и привезу вам вечером? Заодно вас и домой во вторник отвезу. Рассказывай, чем твой Колька увлекается?

— О, супер, спасибо! — сын явно обрадовался. — Ему сейчас нравятся книги про археологические раскопки. Ну, знаешь, всякие древности, затерянные города, раскопанные гробницы. Купи что-нибудь такое, потяжелее и с картинками, он оценит!

— Хорошо, сынок, я поняла, — тихо ответила я, сжимая трубку побелевшими пальцами. — Я поищу что-то из этой серии, куплю всё сама и привезу вам. Наберу тебя, как буду выезжать.

Положив трубку, я еще долго стояла у зеркала. Рациональная часть меня упрямо твердила, что это очередное дурацкое совпадение. Просто детские интересы, обычный мальчишеский каприз. Но где-то глубоко внутри, в той самой запретной зоне подсознания, ворочался глухой, липкий страх.

Я еще не знала, что огромный, залитый неоновым светом торговый центр с его бесконечным гулом голосов, стеклянными витринами и фальшивым блеском, куда я решу завернуть после работы, станет местом, где моя иллюзия контроля окончательно разлетится вдребезги. Я понятия не имела, что меня там ждёт, и как эта самая обычная, будничная покупка детского подарка внезапно обернется новым, сокрушительным витком чертовщины, который окончательно похоронит мою нормальную жизнь.

Законченный разговор оставил после себя мертвую, удушливую тишину. Она не просто вернулась в комнаты — она навалилась на меня физически осязаемой, тяжелой массой, вытесняя остатки кислорода. Стены квартиры, еще минуту назад казавшиеся надежным убежищем, теперь давили своей стерильностью, словно склеп, в котором меня замуровали заживо вместе с моими кошмарами. Чтобы не задохнуться в этом звенящем беззвучии, я рванула на себя ручку балконной двери и настежь распахнула её, силой впуская внутрь спасительные, резкие звуки городской жизни.

В комнату вместе с прохладным ветром хлынул привычный хаос просыпающейся Москвы: далекий, сердитый гул автомобильных гудков, визг тормозов на перекрестке, невнятные выкрики прохожих у метро и монотонный рокот дорожной техники. Этот какофонический шум, обычно раздражавший меня, сейчас казался лучшим лекарством. Я жадно вдыхала этот воздух, пахнувший бензином и мокрым асфальтом, позволяя звукам чужой, будничной суеты заземлить меня, выжечь из памяти отголоски моих ночных видений.

Рутинa — лучшее лекарство от подступающего безумия. Я заставила себя отойти от балкона, подошла к гардеробу и начала методично перебирать вешалки. Мои привычные блузки с тонкими вырезами сегодня казались изощренным издевательством. В итоге я выудила глухое, темно-серое платье из плотного трикотажа с высоким, закрывающим шею воротом-стойкой.

Натягивая ткань через голову, я зашипела сквозь зубы: плотный материал коснулся ключицы, и место ожога отозвалось острой, дергающей болью. Знак под кожей продолжал пульсировать, источая неестественный, сухой жар, словно туда зашили тлеющий уголек. Я подошла к зеркалу в прихожей и плотно поправила воротник. Ничего не видно. Никаких следов. Но нужно будет показать его врачу, если дело пойдет так и дальше. Сомнительно, конечно, что я найду, как объяснить это явление на своей шее, но мучиться с этим дольше вынужденного мне не хотелось.

Внешне я снова выглядела безупречно и собранно, готовая препарировать чужие душевные травмы.

По дороге в свой кабинет я вернулась мыслями к предстоящим сессиям, частично проговаривая анамнез пациентов и выстраивая тактику ведения диалогов. Защитный механизм психики строил свою плотную стену, блокируя любые воспоминания о лазуритовом дворце и янтарных глазах неведомого мне существа. К моменту, когда я переступила порог кабинета и включила негромкий интерьерный свет, мне почти удалось убедить себя, что я полностью контролирую ситуацию.

Первые две сессии с подростками прошли на удивление гладко — их девиантное поведение требовало от меня жесткой, сухой логики, и я с удовольствием пряталась за профессиональными буднями. Но в одиннадцать утра в кабинет зашла семейная пара, находившаяся на грани развода.

Они не слышали друг друга. Вообще. Муж, холеный мужчина лет сорока с дорогими часами, раздраженно мерил шагами комнату, обвиняя жену в холодности и эгоизме. Жена, бледная, измученная женщина, молча сжимала в руках влажный платок, изредка огрызаясь короткими, полными скрытой ненависти фразами. Этот ад длился у них уже три года.

Обычно в таких случаях я включаю мягкую эмпатию, пытаюсь нащупать мостики для диалога. Но сегодня всё шло наперекосяк. Высокий воротник платья невыносимо натирал ключицу. С каждым их упреком ожог под тканью начинал гореть всё яростнее, а в воздухе кабинета мне вдруг стал отчетливо чудиться удушливый, плотный аромат можжевельного дыма и раскаленного песка.

— Она вообще не понимает, что такое долг! — мужчина резко взмахнул рукой, повышая голос на жену. — Я содержу этот дом, я обеспечиваю её, а в ответ получаю только обвинения! Наш брак превратился в какую-то бутафорию!

Я посмотрела на его пальцы — на секунду дневной свет в окне преломился, и вместо современного мужчины передо мной проступил массивный, давящий силуэт царя из моего сна. Мой разум дрогнул. Космический, пугающий масштаб «Священного Брака», где близость была не земной страстью, а сакральной жертвой ради выжженной земли, мгновенно вытеснил всю эту мелкую, бытовую кухонную возню.

— Хватит, — не узнавая собственный голос, оборвала я его. Он прозвучал непривычно низко, жестко и холодно, как у хирурга, делающего надрез без анестезии. Супруги синхронно замерли, уставившись на меня в полном недоумении.

Я медленно выпрямилась в кресле, чувствуя, как под трикотажем пульсирует клеймо.

— Вы оба путаете долг с эгоизмом, — произнесла я, фиксируя взгляд на переносице мужчины. — Вы, Олег, говорите о браке как о сделке, требуя дивидендов за свои вложения. А вы, Елена, добровольно ложитесь на этот алтарь, но мысленно предаете его каждую секунду. Ваш союз разрушен не потому, что вы не слышите друг друга. А потому, что в вашем союзе друг к другу нет искренности и привязанности. Вы разыгрываете сценарий, в который сами не верите. И если в вашем договоре нет места истинному союзу сути, вы просто зря тратите моё время и сжигаете остатки собственной жизни.

В кабинете воцарилась гробовая, звенящая тишина. Жена застыла, приоткрыв рот, а муж медленно опустил руку, бледнея на глазах. В моих словах не было привычной психотерапевтической мягкости — это был прямой, безжалостный вердикт, сорвавшийся с моих губ помимо воли. Я сама испугалась того, что и как я только что сказала. Кое-как завершив сессию на двадцать минут раньше срока, я закрыла за ними дверь и без сил опустилась на диван, прижимая ладонь к горячей груди. Мой профессиональный инструмент — моя логика — начал необратимо плавиться под влиянием последних событий в моей собственной жизни. Это был оглушительный крах.

К вечеру, когда приёмные часы наконец закончились, я чувствовала себя абсолютно выжатой. Меньше всего на свете мне сейчас хотелось тащиться через весь город, нырять в толпу и тратить остатки сил. Хотелось просто доползти до дома, запереть дверь и упасть на диван. Но

из головы никак не выходило взволнованное лицо Максима и его это тихое, растерянное: «*я боюсь ребята ржать будут*». Мне до боли, до какого-то внутреннего упрямства хотелось быть для него хорошей матерью. Из тех, на кого всегда можно опереться, кто расшибётся, но привезёт этот дурацкий подарок, чтобы защитить своего ребёнка от пацанских насмешек. Только эта мысль и заставила меня пересилить себя.

Ближайший торговый центр у метро встретил меня привычным вечерним шумом, бесконечным гулом голосов и ярким, бьющим по глазам светом витрин. Голова гудела, к горлу подкатывала знакомая тошнота, но я упрямо шла вперёд, стараясь ни на что не отвлекаться. Поднявшись на верхний этаж, я зашла в огромный книжный магазин.

Внутри пахло бумагой, типографской краской и дешёвым кофе из пристроенной кофейни. В самом конце зала, у сцены для презентаций, было не протолкнуться — там собралась приличная толпа, и через динамики доносился глубокий мужской голос. На эту суету я даже не взглянула. Мне было совершенно всё равно, что за приглашённый спикер там выступает и какую лекцию читает, — у меня была конкретная задача, и я хотела справиться с ней как можно быстрее.

У входа я перехватила молодого консультанта в фирменном жилете, который безразлично перекладывал стопки тетрадей.

— Добрый вечер. Подскажите, где у вас полки с литературой по археологии? Мне нужно что-то про раскопки и древние города, — выговорила я, чувствуя, как высокий воротник платья снова начинает тереть ключицу.

Парень со вздохом оторвался от тетрадей, мазнул по мне скучающим взглядом и просто указал рукой вглубь зала, прямо в сторону той самой оживлённой толпы слушателей.

— Вам туда, в самый конец, — буркнул он. — Там сейчас как раз лекция по Месопотамии идёт, и на отдельных стеллажах выставили все книги из этой серии. Проходите.

Я замерла, так и не успев сделать шаг в указанную сторону. В ту же секунду лопатки обожгло знакомым, липким, почти физически осязаемым чувством чужого взгляда. На меня смотрели. Упорно, тяжело, прямо сквозь кожу. Знак над ключицей тут же отозвался резкой, покалывающей вспышкой тепла, заставив сердце пропустить удар.

Пульс мгновенно застучал в висках. Разозлившись на саму себя и на эту подступающую паранойю, я резко обернулась, готовая встретиться глазами со своим оппонентом. Снова он. Это что, провидение?

Но Ашер не смотрел на меня. Уже.

Он стоял на небольшом подиуме перед микрофоном. Строгий черный пиджак сидел на его широких плечах как влитой, а слегка закатанные рукава обнажали мощные руки, покрытые татуировками. Мужчина слегка наклонил голову вбок, внимательно и сосредоточенно выслушивая какой-то длинный вопрос из зала. Его лицо оставалось абсолютно спокойным; казалось, всё его внимание сейчас безраздельно принадлежало этой аудитории.

Я замерла на месте, чувствуя, как внутри борются два противоположных желания. Сделать шаг вперед, к этим стеллажам, означало добровольно переступить невидимую черту и войти в отведенную для лектория часть зала, фактически встав на виду у всей этой толпы. И у него. Мой прагматичный разум категорически отказывался так глупо подставляться и привлекать еще большее внимание. Я долго мялась у края прохода, переводя взгляд с глухой стены спин слушателей на корешки книг. Идти туда, на эту территорию, казалось безумием.

Наконец, приняв решение, я резко повернулась обратно к консультанту. Раз уж мне нужен этот дурацкий подарок, я решу проблему чужими руками, не нарушая безопасную дистанцию.

— Послушайте, — тихо, но настойчиво позвала я парня в жилете, который уже собирался отойти. — Мне действительно очень некогда. Вы не могли бы сами пройти к тем стеллажам и

принести мне пару хороших книг по раскопкам на выбор? Что-нибудь потяжелее, с качественными иллюстрациями. Я подожду здесь, у кассы.

Парень в жилете насупился, недовольно поджав губы — моя просьба явно нарушала его сонные планы на этот вечер. Но в его глазах тут же мелькнула покорность перед клиентом, который не настроен шутить. Он коротко буркнул, чтобы я подождала его здесь, у касс, и неохотно поплёлся в сторону лектория, лавируя между спинами слушателей.

Оставшись одна в тени высокого стеллажа, я выдохнула и отошла чуть в сторону, стараясь слиться с интерьером. Чтобы хоть как-то занять глаза и не смотреть в сторону подиума, откуда всё так же монотонно вибрировал глубокий бас Ашера, я уставилась на крутящуюся стойку с сувенирами у кассовой зоны.

Мой взгляд бесцельно скользил по рядам цветных блокнотов, глупых открыток и милых копеечных брелоков для ключей. Среди бесконечных пластиковых фигурок один вдруг заставил меня криво ухмыльнуться. Маленький, угрюмый Бэтмен в резиновом черном плаще. Я протянула руку, легонько коснувшись фигурки пальцем, и та сиротливо закачалась на металлическом кольце.

В этот момент я почувствовала с ним какое-то почти родственное единение. Я сейчас ощущала себя точно так же — одиноким, мрачным супергероем местного разлива, который без лишних слов тащит на себе все тяготы своей жизни. Разорительный развод, чужие долги, бесконечные детские травмы чужих людей на работе и глухое, липкое одиночество в стерильной квартире. Я была своим собственным Бэтменом, защищающим свой маленький Готэм в лице десятилетнего Максима от любой ржавчины этого мира. Вот только суперспособностей у меня не было, а воротник платья продолжал невыносимо печь ключицу, напоминая, что мой личный щит нормальности уже дал неизлечимую трещину.

Я продолжала бесцельно подталкивать пальцем резиновый плащ Бэтмена, стараясь полностью раствориться в своих мыслях и не слушать рокот динамиков. Консультант задерживался. Я мысленно подгоняла его, мечтая поскорее забрать покупку и сбежать.

— Увлекаетесь археологией? — раздался прямо за моей спиной пугающе близкий, бархатистый бас.

От неожиданности меня словно прошило током. Внутри всё болезненно сжалось, и я резко дернула руку, инстинктивно пытаюсь отпрянуть. Локоть с размаху зацепил крутящуюся металлическую стойку. Бедный резиновый супергерой не удержался на своем стенде — кольцо соскочило с крючка, и брелок с глухим, копеечным стуком покатился по полу, замерев прямо у носка чужого черного ботинка.

Сердце заколотилось где-то в самом горле. Знак под высоким воротником платья мгновенно налился удушливым, лихорадочным жаром.

Ашер тихо, едва слышно хмыкнул. Он неторопливо наклонился, его широкие плечи на секунду закрыли от меня свет неоновой вывески, и поднял игрушку с пола. Крупные пальцы, покрытые ломаными линиями татуировок, странно контрастировали с крошечным черным человечком.

Я была вынуждена развернуться к нему лицом, окончательно капитулируя перед фактом, что моя маскировка провалилась. Наша безопасная дистанция снова была уничтожена: мужчина стоял почти вплотную, перекрывая мне выход к кассам. В его руках были зажаты две тяжелые, богато иллюстрированные книги в глянцевых суперобложках — те самые, которые я просила принести сонного консультанта.

Ашер плавно протянул руку вперед, удерживая покачивающегося Бэтмена за металлическую цепочку прямо на уровне моей груди, и внимательно заглянул мне в глаза. В его золотисто-карей радужке плясали те самые пугающие янтарные искры.

— Пожалуйста, — тихо произнес он, и уголки его губ тронула едва заметная, двусмысленная усмешка.

От его вкрадчивого голоса по коже снова побежали мурашки, но я заставила себя не отводить взгляд.

— Спасибо, — вяло выговорила я, забирая брелок из его крупных пальцев. Металлическое кольцо обожгло ладонь всё тем же неестественным, лихорадочным жаром, который исходил от этого парня. Я поспешно сжала фигурку в кулаке, пряча её в карман платья.

Ашер перевёл взгляд на мой карман, а затем едва заметно кивнул, указывая подбородком на стойку с сувенирами.

— Хороший выбор.

Он говорил это совершенно серьезно, по-прежнему удерживая в другой руке две тяжелые гляцевые книги, которые должен был принести консультант. Я сделала глубокий вдох, сознательно гася внутреннее раздражение. Никаких масок, никакой паники. Самым разумным сейчас было включить обычную, сухую вежливость и свести эту затянувшуюся пантомиму к самому простому, будничному разговору, какой бывает с любым навязчивым незнакомцем посреди заполненного людьми магазина.

— Спасибо, — ответила я, и мой голос прозвучал ровно, спокойно, с той вежливой отстраненностью, которой отвечают на банальную любезность. Я демонстративно перевела взгляд на увесистые тома в его руках и спокойно поинтересовалась: — Я так понимаю, эти книги для меня? Мой консультант оказался слишком занят?

— Да, — Ашер без малейших колебаний протянул мне обе книги, заставив меня перехватить их обеими руками. Тяжелый подарочный переплет приятно заземлил пальцы, а гладкий, плотный срез мелованных страниц тускло блеснул под лампами, подтверждая: парень принес именно то, что нужно. Но мужчина и не думал отступать. Он сделал едва заметный шаг вперед, сновакорачая дистанцию до минимума. — Но вы так и не ответили на мой вопрос. Увлекаетесь археологией?

Я посмотрела на тяжелые гляцевые тома в своих руках, а затем снова перевела взгляд на Ашера. В этот момент я приняла решение отказаться от подтекстов. Я выбрала быть собой — не пытаться казаться циничной, не нападать в ответ, а просто вежливо, по-человечески поддержать этот внезапный разговор, пока не заберу чек и не уйду из магазина.

— Да, — спокойно ответила я, и моя улыбка получилась на удивление мягкой и настоящей. — В юности я действительно запоем читала про Восток и раскопки. Но сейчас всё гораздо прозаичнее: это подарок для друга моего сына.

Я чуть приподняла книги, безмолвно давая понять, что наша случайная встреча у кассы подошла к логическому завершению.

Ашер воспринял этот жест на удивление спокойно. На его лице не отразилось ни тени досады; он лишь понимающе кивнул, словно мой ответ его полностью удовлетворил.

— Вы спешите, я понял. Был рад вас видеть, — произнес он, и в его бархатистом басы снова прозвучала та самая ровная, вежливая интонация обычного человеческого общения. Мужчина отступил на полшага назад, освобождая мне проход к кассовой стойке. — Возможно, со временем вы захотите возобновить ваше юношеское увлечение. В таком случае я оставил для этого магазина действительно отличную подборку редких изданий. Не буду вас задерживать. Приятного вечера, Мария.

Он развернулся и неторопливо пошел обратно к лекторию, мгновенно растворяясь в толпе своих слушателей.

А я так и осталась стоять у кассы с тяжелыми томами в руках, чувствуя, как по спине пробежал ледяной пот. Внутри всё сковал глухой, немеющий ужас. Мой прагматичный разум, только что праздновавший маленькую победу над подтекстами, окончательно капитулирует перед одной короткой деталью. Избавиться от преследования на «Вы» у нас получилось. Свести разговор к банальной любезности — тоже.

Вот только я не называла ему своего имени. Ни вчера в душевой студии, ни сегодня у этих глянцевых стеллажей. И в этот раз я упрямо, из последних сил удерживая остатки гордости, уже не стала спрашивать, откуда он его знает. Откровенно говоря, это было необъяснимо и даже в какой-то степени дико. Моё собственное молчание казалось мне предательством: словно глубоко внутри, в обход всех дипломов и логики, я сама безвольно разрешила этому человеку войти в мою жизнь — таким непостижимым, лишаящим воли образом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.